

ВИКТОР КОРОТАЕВ

**МАЛЬЧИШКИ
ИЗ ДАЛЕКИХ
ДЕРЕВЕНЬ**

СТИХИ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО „СОВЕТСКАЯ РОССИЯ“
МОСКВА — 1989**

«Мальчишки из далеких деревень» — первая выходящая в Москве книга стихов вологодского поэта Виктора Коротаяева.

Его глубоко волнует жизнь деревни, крестьянский труд и отношение к этому труду.

Лирический герой Коротаяева человек — ему свойственны и грусть и улыбка.

Когда читаешь книгу стихов Коротаяева, кажется, будто беседуешь с другом о самом главном в жизни.

Речь поэта свежа и образна.

* * *

На дыпочки встань над пластами
Годов — и на миг ослепит
До сини морозное пламя
Летящих в галопе копыт.
И нету ни черта, ни бога,
Развеян уют и покой.
Лишь белая пыль над дорогой
Висит, как туман над рекой.
Ах, сколько в обозных телегах
Угасло геройских ребят.
Березы двадцатого века
У них в изголовье горят.
И снова приблизились дали,
Почти осязаема связь:
Отцы наши землю взрывали,
А пыль оседает
На нас.
И нам, землелашцам и зодчим,
Принявшим отцовский завет,
Доверено жизнью закончить
Задуманный ими портрет.
И той же ведомые страстью,
Забыв про уют и рубли,

Мы ищем под глиной и грязью
Алмазное сердце Земли.
За нами сутулятся краны,
И рвы посреди солонцов
Темнеют, как шрамы.
Но шрамы,
Которые красят лицо.
Признаньем и давним почетом
Оплачен и поднят наш труд.
И все-таки, видимо, в чем-то
Издержки

потомки найдут.

Но суть не в оставшихся сохах,
А в том, что, меняя житье,
Мы жили в большую эпоху
И были достойны ее.

МЛАДШЕМУ БРАТУ

А было все не так давно:
В хозяйстве
 даже нет обмылка,
Опять зашторено окно,
И на столе дрожит коптилка.
И «юнкеры» не первый год
Крестами черными на небе,
И на растопку вновь идет
Отполированная мебель.
Соседка не встает с утра.
От горя выживет едва ли:
Ей похоронную вчера,
Уж третью, кажется,
Прислали.
Мать,
Видя, как я вдруг ослаб,
Косому спекулянту Глебу
Пальто отцовское снесла
За черствую буханку хлеба.
Но мы не раз
Голодным днем,
Свой шаг
 вливая в общий топот,

И в стужу шли и под дождем
За город, на рытье окопов.
Киркой орудовали зло,
Мальчишки,
надрывая жилы.
...Тебе вот
слушать тяжело.
А мы все это
пережили.

* * *

Идут груженные машины
В густой испарине дождя,
И, как натянутые жилы,
Моторы старые гудят.
Идут машины,
 жерла света
Уставив в черноту лесов,
Сползают в хлюпкие кюветы,
Ломают радуги рессор...
А где-то, блеска не роняя,
С одним лишь ветром на возу,
Порожняки, во тьму ныряя,
Пронесятся на всем газу.
Летят прямым просторным трактом
Без напряженья и забот.
...О жизнь моя,
Не дай мне так вот
Перелетать из года в год.
Пускай мне медленно и круто
Идетя общим большаком —
Со срывами, с надсадой лютой,
С потерей временной маршрута,
С грозой, с отчаяньем минутным,
Но только б — не порожняком.

* * *

Мне шумные праздники в тягость,
знаком остающийся след:
В конечном итоге
Усталость
И будничный привкус сует.
Зато, окунаясь в заботы,
Что мне — как живая вода,
Обыденность
 грубой работы
Я праздником делал всегда.
И камни рубая вразмашку,
Порой выбиваясь из сил,
Я солоно,
Потно
И тяжело
И все-таки
 празднично жил.

Я ДОМОЙ — ПОГОСТИТЬ

Я домой — погостить.

Потянуло в родную обитель.

Не одни сапоги

измолот я в болотном краю.

Я домой — погостить.

Вы глядите, пижоны, глядите

На упругую, с легкой развалкой

лихую походку мою.

Я по городу шествую

в шапке и катанках рыжих,

Весь пропахший сосной.

Излучаю березовый звон,

Шелест горьких осин...

Впрочем, где вам понять это?

Вы же

И траву-то видали

лишь запертой в пыльный газон.

Вам своих гардеробов

вдыхать нафталиновый запах,

Вам с тоскою смотреть в свое завтра,

как в мутную марь,

Вам не слышать вовек,

как, в еловых запутавшихся лапах,

Затрепещется вдруг

замечтавшийся, видно, глухарь.

Не ночевывать вам

ни в стогах, ни в суслонах на поле,

Не встречать с петухами

с боков подрумяненный день

И по звучным стволам

под мужицкие шуточки с солью

Не звенеть топором,

рукавицы заткнув за ремень.

Потому глухоманью,

где некому выбрать брусники,

Мне дано это право:

с незлою душой мужика

На всегдашние ваши бега

и возню из-за модной пластинки

Поглядеть снисходительно.

Даже чуть-чуть свысока.

А на сердце моем —

будто снова скворцы прилетели.

Я иду широко

и бедовой не гну головы.

На отросшей моей бороде

неопавшие звезды метели

И влюбленные взоры мальчишек,

что будут умнее,

чем вы.

В ПОДШЕФНОМ КОЛХОЗЕ

В недалеком подшефном колхозе,
С усталости

злы и грубы,

Мы колья на изгородь возим

И намертво ставим столбы.

Мы жерди на изгородь возим

И слышим, как бьются сердца.

Нам кажется даже порою,

Что делу не будет конца.

Но вот председатель в фуфайке

Мольбой пронимает нутро:

Мол, только, братки, докопайте —

Навеки запомню добро.

Он смотрит с мучительной болью

И комкает кепку в руках:

«Скотине уж скоро на волю,

А тут не у шубы рукав».

И мы,

понимающе глядя,

Не чешем зазря языки:

«Ну, ладно...

Ты только нам, дядя,

Ведерко водички подкинь».

И снова,
Не вытерев губы,
Откинув сырые чубы,
Мы землю лопатами рубим
И намертво ставим столбы.
К обеду закончив работу
И сунувшись в свежую тень,
Следим мы за птичьим полетом
И сами парим в высоте.
И радость вливается в тело,
С того ли, что солнце не жжет,
С того ли, что доброе дело
Без радости
Не живет.

* * *

Я булыжную осень оставил
Ради той, что, всходя на крыльцо,
После страдной горячки
Устало
Рукавом утирает лицо.
Той, что с вечной заботой во взоре
И подошвы скоблит о порог,
И привычно

сдирает в притворе
Непросохший за лето сапог;
Да позднехонько лампу задует,
Заглянув напоследок в закут, —
И осенние тучи раздумий
К изголовью ее поплывут:
То ли крышей протекшей заняться,
То ли пол перебрать как-нибудь,
То ли нынче с коровкой расстаться,
То ли зиму еще потянуть.

А за окнами
желтую репу
Дождь полощет в корытах борозд,
И метут по холодному небу
Голики облетевших берез.

И никто с разговором

до света

Не пройдет под окошком резным:

Земляки, отгостившие лето,

Разлетелись к заводам своим.

И куда-то пропал неизвестно

Тот, с бородкой, в очках золотых,

Что выводывал здешние песни,

Чтобы тешить потом

городских.

Кто налево ушел,

Кто направо,

Словно здесь не земля никому.

Да и ладно.

Хоть сердца не травят,

Коль помочь

Не умеют ему.

* * *

Погодушка добрая смята,
В дождях потонули леса.
Сегодня два дня,
 как ребята
Не смотрят
 друг другу в глаза.
Комсоргом
Лощенные карты
Давно отодвинуты прочь.
«Трудыги:
Писали плакаты,
Грозилась крестьянам помочь».
Братвой принимается дружно:
«Плевать, что дождит. Не впервой».
И Крюков Валерка
Послушно
Бежит к бригадиру домой.
Ныряет за двери и с ходу,
На стул впопыхах не присев:
«Давайте любую работу,
Не то заржавеем совсем».
И вот мы, голодные словно,
Придя к пилораме втроем,
Сырые сосновые бревна

Задорно и храбро
Берем.
Без суетных криков и спешки,
В движеньях ловки и резки,
Вершину кладем на тележку,
А комель — каретке в тиски.
С каким-то воспрянувшим пылом,
Шутя в полумраке рябом,
Пахучие звезды опилок
Лопатами в кучу гребем.
Враскачку тесины кидаем
И ухаем молодо вслед
И заново бревна катаем
По рельсам осиновых слег.
И только вздохнувши свободно,
Мы слышим, что жарко в груди,
И что поясница сегодня,
Как столб телеграфный,
Гудит.
Хозяйке за ужином любо
Следить за ребятами, как
Их ложки

с дымящимся супом
Дрожат в огрузневших руках.
Мы хлещем чай даровые,
Смеемся на все голоса,
Болтаем

и смотрим впервые
Открыто

друг другу

в глаза.

РОССИЯ

Ты в белых реактивных дымах
И громековки и литья
На всех — одна,
Для всех — едина
И все ж у каждого
Своя.
Я с малых лет тебя запомнил,
Когда в мой сон под пенье стрел
Влетали бешеные кони,
Клубы пуская из ноздрей.
И ты
с замуравевшей пашни,
Шелом надвинув на виски,
Глазами Муромца
Бесстрашно
Смотрела вдаль из-под руки.
Потом из песен бабки древней
Под чистый звон лесных ключей
Являлась ты ко мне
Царевной
С голубкой белой на плече.
Да и сейчас еще, Россия,
Ты снишься мне царевной той:
Не выцветает взор твой синий,

Не меркнет волос золотой.
Лишь в строгих линиях портрета
Я различаю все ясней
То гордый нрав
 родного деда,
То нежность
 матери моей.
И чаще в памяти бессонной
Встает при имени твоём
Крестьянка,
 что рассвет студёный
На коромысле вносит в дом.
Застыли лунным светом в прядке
Годины горя и потерь:
Хватало раньше слез солдатке,
Не занимать их и теперь.
И понимая бабую участь,
Тревожась о её судьбе,
Я думаю, гордясь и мучась,
Всегда, Россия, о тебе.
Восторг мальчишеский не гаснет.
Хотя некошеным лужком
Ты ходишь
 не в сапожках красных,
А чаще
 просто босиком.
И пусть давно былинный ратник
Умчал за тридевять морей.
Теперь ты ближе и понятней,
И потому
Еще родней.

МАЛЬЧИШКИ ИЗ ДАЛЕКИХ ДЕРЕВЕНЬ.

Приеду на попутном драндулете
По старой моде
 в кепке набекрень.
Ну, как вам поживается на свете,
Мальчишки из далеких деревень?
Все так ли вы
 по травушкам России
Вперегонки попробовать не прочь,
До заморозков носитесь босыми,
Чтоб попусту обуви не толочь?
Смакуете под взглядами домашних
От апельсина городского треть
И присланные братьями рубашки
Подолгу не решаетесь надеть?
Пускай я вам далеко не ровесник,
Но вы меня стыдиться не должны:
И у меня
 на самом видном месте
Некстати протираются штаны.
Я словно чую ваших рук усталость,
Уже пропахших горечью коры,
Которым преждевременно достались
Забутые братками топоры.

Мы нашу встречу шуткой обогреем,
Мы вдоволь нашатаемся в лесу.
Я привезу вам

новых батареек

И лампочек вам тоже

Привезу.

Расспросите меня вы о столице,

А для себя задумаете впредь

На поезде

хоть разик прокатиться

И на дома большие поглядеть.

И я пойму

с постыдным запозданием,

Что, набираясь разума и сил,

Я исполненье собственных желаний

Терпеньем вашим

щедро оплатил.

Я в город нынче выберусь пораньше,

Едва ли и неделку протяну,

Острее

от незлобивости вашей

Осознавая давнюю вину.

А дома встречу ваших одногодков,

Завидующих больше, что ни день,

Грибам,

И лесу,

И косовороткам

Мальчишек

из далеких деревень.

* * *

Рос бледнолицым брат мой и тщедушным,
Не помогли столичные харчи.

И я подумал:

А на что бы лучше

Его деревней дальней полечить.

Я потерял тогда бывшее зренье,

Неясно различал черты деревни.

Но все-таки по долгу старшинства

Я добывал сметану и варенье

И лично заготавливал дрова.

На нас хозяйка наша тетка Таня

Неделю любовалась,

А потом,

Поняв мою систему воспитания,

Ее перевернула кверху дном.

И брат стругать учился понемножку,

Снопы по снегу с поля вывозил

И ел, как все,

горячую картошку

И в сапожищах чапал по грязи.

Не брезговал уже домашним квасом,

Садился без ужимочек к столу

И с бабкиным соломенным матрасом

Устраивался к ночи на полу.

Он к мужикам ходил,
уже в мальчишках
Пахавшим землю и валившим лес.
Ладони их,
как трудовые книжки,
Где каждая строка
Имеет вес.
Нет, все не даром:
обтиранья снегом
И чтение с лампой в полутемноте...
Я понимал, шагая за телегой,
Что уезжаем мы уже не те.
Деревня одарила нас богато,
Как щедрая и честная родня:
Здоровьем несгибающимся —
брата,
И зреньем возвратившимся —
меня.

* * *

И снова люди покидали
Давно обжитые места.
Хваленые им снились дали,
О коих если что и знали,
Так по картинкам на холстах.
И снова забивали двери
Нужде и холоду в ответ,
Храбрясь: «Подумаешь — потеря.
Ни ягод, ни воды, ни зверя
И даже хлеба

вдоволь нет».

Мол, мы плевали с колокольни
На эту местность сотню раз.
И расставаться нам не больно:
Мол, где не голодно да вольно,
Так тут и родина для нас.
И лишь у поезда
Нежданно
Заречный вспомнится покос...
И вдруг глаза зальет туманом,
И не поднимешь чемодана,
Как будто он к земле прирос.

РУСЬ

Я в прошлое гляжу нередко,
Стремясь вернее угадать
Тех бородатых наших предков,
Что жили в давние года.
Работой выпитые лица,
Глубокий и тяжелый взгляд,
И злые

острые ключицы

Из-под худых рубаш
Торчат.

«Эх, доля наша...

Чтоб те сгинуть!» —

А в голосе такая грусть!

Они плюют

и горбят спину,

Ругая нищенскую Русь.

Но стоит только им прослышать,

Что вдруг с какой-то стороны

Сосед

с несметным войском вышел,

Поганя земли их страны,

Они, свои отринув беды,

Опять берут доспехов груз —

И бьют татар

И рубят шведов
За эту самую же Русь.
Им наша Русь
Из дальней дали
Светила светом молодым.
И коль они
 за ту
 стояли,
То мы
 за эту
 постоим!

* * *

Я ночевал под старым виноградом,
Что для хозяев был, как свой лесок.
А поутру я чувствовал, как рядом
Тугие гроздья добирали сок.
Еще с полузакрытыми глазами,
Не скидывая тонких покрывал,
Чуть приподнявшись,

влажными губами

Я дымчатые ягоды срывал.

А на гряде

у древнего колодца,

Горячим светом озаряя двор,

Всходили доморощенные солнца

Налившихся

пунцовых помидор.

Я шел к столу, позевывая сладко,

И что-то баритоном напевал.

Простые люди среднего достатка

Меня опять сражали наповал.

Казался стол и короток, и узок

От колбасы, ватрушек и вина,

Со скрипом

прогибалась под арбузом

Ореховой столешницы спина.

Хозяйка же, не слыша возражений, —
И этим по-особому мила, —
Полтазика прожаренных пельменей
Пристраивала с краешка стола.
И вспоминались мне родные села,
Где, зная, что такое хлеб и труд,
Не меньшие, конечно, хлебосолы
В сосновых избах

сызмальства живут.

Я там бывал и не однажды буду.
Туда приду в любое время дня —
И всем, что есть,

приветливые люди

От всей души

попотчуют меня.

И будут возвышаться грузди в плошке,
И бабка,

скинув крышку на шесток,

Большой чугунок

разваристой картошки

Передо мною выставит на стол.

* * *

Откуда эта брошенность и грусть
И ощущение утлости причала.
Как будто вдруг
Температура чувств
На двадцать с лишним градусов упала.
Я не искал сомнительных побед,
Я зла не причинял простому люду.
А счастья и любви покамест нет
И, видимо, еще не скоро будут.
О страхах не могу болтать шутя,
И стыдно обнажать свои тревоги,
Как говорить о кладбище,

хотя

И это неминуемо в итоге.
Пусть все идет своим порядком. Пусть
Упругий зной сменяется прохладой.
Я подступившей грусти не боюсь,
Как не боюсь дождя и листопада.
Хоть это одиночество в глуши
Щемяще до отчаянья и стона.
Но, может, повзросление души
Еще и не такой цены достойно.

ОДНАЖДЫ

Отпыхал пожар зари.
Решили:
Дальше не поедем.
Заходим в дом
И говорим,
Что переночевать, мол, негде,
Что к вам пригнала, мол, нужда
И где угодно спать согласны.
И начинаем убеждать,
Что мы не курим —
Не опасно.
Потом снимаем сапоги,
Тесней садимся на скамейки,
Поставив в угол рюкзаки
И на печь сунув телогрейки.
Хозяйка тащит самовар,
Сажает нас за стол, к окошку,
И мы вдыхаем вкусный пар
Ее рассыпчатой картошки.
Хрустим соленым огурцом,
Засол искусным величая,
И прохладиться на крыльцо
Выходим после чашки чая.
А утром в руку ей суем

Рубли, хрустящие знакомо,
Чтоб как-то выразить свое
Признание искреннее дому.
Она глядит на нас в упор,
Слова —
 короче,
 резче,
 суше.

В них все:
Обида и укор,
И оскорбленное радушье.
Не поднимая больше глаз,
Отшлепанные, как младенцы,
Уходим,
Наскоро простясь,
Со скрытой горечью на сердце.
И на себя же злость берет,
И душу режет боль сквозная,
Что до сих пор
Мы свой народ
По-настоящему
 не знаем.

* * *

Пора, пора скупее дни расходовать.
Необратим их торопливый ход:
И не успеешь толком заприходовать,
Как вписывай уже в статью —
расход.

А мы толчемся все вокруг да около.
Но время не прощает суеты:
Иные и поглядывают —
соколы,

Да очи-то не прежней остроты.
На головы друзей смотрю, и жалко мне,
Что многие из них —
от бурь и гроз —

Просвечивают ранними лужайками
Сквозь жиденькие
веточки волос.

Пора мне быть трезвей, уравновешенней,
Пора поменьше верить в чудеса.
Который год пошел тому, как лешие
Покинули окрестные леса.
А я дурачусь:
Старость далеко моя.
И будто знаю только я один,

В какую осень

яблонька знакомая

Мне яблочк молодильных народит.

И не хочу понять, себя баюкая,

Что небо стало ниже и бледней,

Что вот уж и не слышится ауканья

В зеленой роще юности моей...

* * *

Какая-то прозрачная печаль,
Печаль недолговечности живого.
Она коснется, словно невзначай,
Себя не обозначив даже словом.
И я пойду на тайный зов ручья,
Чтоб убедиться в явности рассвета,
В существованье дождика и ветра,
А через них —

и собственного я.

Вновь помолчу,
забыв про бег минут,
Над листьями, оборванными ветром,
И постою у вымахавших кедров,
Которые меня переживут.
И я пойму, быть может, до конца,
Себя окинув с грустью неизменной,
Ничтожность смерти

одного лица

Перед лицом бессмертия Вселенной,
Где век пройдет — но вспыхнут зеленыя,
Мир с наслажденьем повторит основы
С одним лишь упущеньем пустяковым,
Что он забудет повторить
Меня.

* * *

Надежды падают, как звезды
В колодец непроглядной мглы,
Где глух и вязок

тесный воздух

И стены скользки и гнилы.

И я порою чуть не плачу,

Потупив в горечи глаза:

«Еще одной звездой, значит,

Беднее стали небеса».

Но есть у молодости свойство,

Что можно смело приравнять

По сути

К подвигам геройским:

После любых потерь —

Вставать.

И смотришь — где былая хлипкость?

Глаза открыты и чисты,

И та же на губах улыбка

Доверия и доброты.

И бездна планов, как и прежде,

И каждый

прежнего смелей.

...И в новых звездочках надежды

Все небо юности моей.

* * *

Люблю неспешною походочкой
Весной по улице брести,
Где под ногой ледок,
Как корочка
Ржаная на зубах хрустит.
А в синем небе солнце плавает.
Да, тем весна и хороша,
Что не одна земля оттаивает,
Оттаивает и душа.
В ней все ненужное и вздорное
Ветрами выметет апрель,
Когда серебряными горнами
С карниза прозвучит капель.
И мы пойдем тогда, наверное,
Что в праздник солнечной земли
Нам ничего не сделать скверного,
Что в прошлом мы еще могли.
Вдруг станет стыдно,
если вспомнится,
Что мы по-старому живем,
Когда все чистится,
И моется,
И обновляется кругом.

* * *

От легкости кружится голова,
В душе растет зеленая трава,
И так опрятно, хрупко и свежо,
Как будто по лицу скользит снежок.
И не было ни грязных нареканий,
Ни горечи, потопленной в вине,
И не меня на слезы обрекали,
И изменяли женщины
Не мне.

Я под высокой кроною покоя
Подслушиваю ровный шелест звезд.
А ветер трется о сапог щекою
И тычет мне в ладони влажный нос.
Дыханье веток плавно и негромко,
Березоньки притушенно-белы.
Их контуры кривы и несмелы,
Как первые каракули ребенка.
И видится мне белый пароходик,
И блеск в глазах,
И волосы взрлет...
На самом деле

молодость уходит,

А кажется,

что только настает.

ЦЫГАНКИ

Помню:

Горделивые в осанке,
С зеркальцем и картами в руках
Часто босоногие цыганки
Приходили к нам издалека.
Их встречали бабы под окошком
И, как самым близким и родным,
В чугунках

последнюю картошку,

Не жалея, отдавали им.
Сдерживая сердце по неделям,
Тут с собой не совладав никак,
Долго

умоляюще глядели

На колоду
Всемогущих карт.
И цыганкам,
Видевшим полсвета,
Угадать не стоило труда,
Что в дому уже какое лето
Только слезы, горе да нужда.
А со стен
Из застекленных рамок,
В подтверждение высказанных слов

В душу к ним заглядывали прямо
Честные глаза фронтовиков.
И чтоб как-то скрасить бабье горе,
Карты им сулили всякий раз
Милого с сердечным разговором
В недалекий и желанный час.
И заметно подобрев,

солдатки

За слова надежды и любви —
Помню — отдавали без оглядки
Старенькие кофточки свои.
...А на днях я видел на вокзале
В маленьком районном городке,
Как цыганка в ожидальном зале
Хлопотала с картами в руке.
Тихая, уже немолодая,
Подошла к чужому багажу:
«Ясные, давайте погадаю,
Все как есть, красавицы, скажу».
От нее отмахивались вяло
С неприязнью давней и глухой:
«Лучше бы работу искала,
Стыдно заниматься чепухой».
И цыганка, потоптавшись малость,
Отходила в сторону молчком.
А девчонки весело смеялись
И опять болтали о своем.
Что гадать им,
Сверстницам-подругам,
Встретившим двадцатую весну:
Есть работа,
Есть надежный угол,
Да и женихам
Не на войну.

ЖЕНЩИНЫ

Им обрученье
 было отреченьем
От солнышка,
 от песен и подруг,
Бывало обрученье
 обреченьем
На умирание от слез и мук.
И — гордые — не плача при народе
И сердца не поведав никому,
Они входили в церковь,
Как заходят
В пожизненную темную тюрьму.
А вечером в хмелеющей беседе
Старались улыбаться при гостях,
Но слышали,
 как цепкие браслеты
Бряцали кандалами
 на кистях.
И знобко билось сердце под рукою,
Когда, губами старчески жуя,
Их уводили в дальние покои
Подагрой пораженные мужья.
Там, от прилива храбрости шалея,
От близости доступной красоты

**Они им надевали ожерелья,
Как будто надевали
Хомуты.
И сколько женщин,
 губы в кровь кусая,
Бросалось от неволи и тоски
То в горницу заезжего гусара,
То в черное течение реки.
Нам это помнить так необходимо
Средь важных дел и торопливых встреч,
Чтоб счастье наших милых и любимых
Еще нежней и пристальней беречь.
О, сколько в их глазах тепла и света,
Когда они навстречу к нам бегут
И по подолу,
 поднятому ветром,
Смеясь,
 обеими руками бьют.
Они весной ручьям болтливым рады,
Зимою — бабу снежную лепя.
Как будто им прабабки
И взаправду
Велели досмеяться
За себя.
Что ж, пойте, милые, вдыхайте ветры.
Мы знаем и сумеем не забыть,
Как вам достались росы и рассветы
И право
 прямо голову носить.**

* * *

О вера наших матерей,
Вовек не знающая меры,
Святая трепетная вера
В нас,
Подрастающих детей.
Ее, как свет в березняке,
Не вытравит ничто на свете:
Ни единицы в дневнике,
Ни злые жалобы соседей.
Уж матери такой народ —
Вздохнут,
Нас долгим взглядом смеря:
«Пусть перебесятся. Пройдет», —
И снова верят, верят, верят.
Так верят матери одни
Взыскательно и терпеливо.
И — не крикливые — они
Не почитают это дивом.
А просто нипочем года
Их вере, трепетной и нежной.
Вот только мы-то
Не всегда
Оправдываем
Их надежды.

* * *

Порой попадешь ненароком
В чужую простую семью,
Где нет ни раздора,
Ни склоки
И водку
С полочки
Не пьют.
Где в чистеньких детских постельках
Живут безмятежные сны,
И муж не запустит тарелкой
В пугливую спину жены.
Она же от сплетен, заране
Ревнуя, не сходит с ума,
Не ищет у мужа в кармане
Обрывки чужого письма.
Обычные русские люди —
Не гордость, не цвет, не краса...
А рядом с такими побудешь —
И чище становишься
Сам.

* * *

Пусть кривотолки обступают тесно,
Натачивая зубы на меня.
Мне б только знать,
Что я работал честно, —
И что тогда разносы и ругня.
Боюсь другого.
Лжи перед собою.
И лишь случится,
 сам — через толпу —
Как труса, убежавшего из боя,
Веду себя
К позорному столбу.
Что мне тогда ваш потеплевший голос?
Вам не смягчить суровый приговор,
Коль требует меня к ответу
Совесть —
Мой вечный генеральный прокурор.

* * *

Я утверждать могу без риска:
Твоя натура не бедна,
Как говорится, божья искра
Тебе с рождения дана.
Но ты работай до упаду,
Вскрывай секреты ремесла,
Чтоб как-нибудь
 по недогляду
Та искра
 в землю не ушла.

ТАЙНА

Парнишкою прожито мало,
Парнишке четырнадцать лет.
Сегодня впервые нарвал он
Пахучей сирени букет.
И я,
Может, это и лишне,
Киваю хитро на цветы:
«Открой, для какого мальчишки
Букет заготовливал ты?»
Он сбит с равновесия явно
И что-то бормочет под нос.
И я понимаю, что —
Тайна,
И сам заминаю вопрос.
И я вспоминаю:
Давно ли,
Житейских не ведая дел,
Он, кроме футбольного поля,
И знать ничего не хотел.
И веря, что так им и надо,
Девчонок за косы трепал.
А я из соседнего сада
Букеты сирени таскал.
Давно ли?

И вправду — давно ли?
А вот не вернешься назад.
Хоть нету в словах моих боли,
Но все же —
как годы летят...

ОСЕННИЙ ЭТЮД

Глухая осень начинает песню —
И вновь трезвеет мир под небом серым,
И звезды отсыревше пахнут
Жестью,
Венок из луговых ромашек —
Сеном.
В саду
 к плетню березки жмутся робко,
Под ветром прогибаясь в коромысло,
Все золото разграблено,
И тропка
От черной меланхолии раскисла.
Улегся в лужи потускневший город,
Шуршат плащи — осенние обновки.
Никто не расстегнет горячий ворот,
Не завернет к шипучей газировке.
Я собранней в такое время года,
И говорю и улыбаюсь мало:
Когда печальна матушка
Природа,
Мне веселиться
Тоже не пристало.

* * *

Доверчивым сердцем славянским
Беспечная стайка берез
Осеннюю щедрость и ласки
Опять принимает всерьез.
И бросив другие занятия,
С рассвета и вплоть дотемна
Березки

по вкусу и стати
Себе подбирают тона.
Счастливо шумят на опушке,
Красуясь у всех на виду,
Как будто забыли простушки,
Чем кончили
В прошлом году.

НАЧАЛО ЗИМЫ

Да, вечереет.
Но еще не поздно.
Ноябрь, как флаг, спустил последний лист.
И снег

на хрупких веточках березы
Дрожит, как перед выходом солист.
Приветливей на мир взглянули зданья.
О, эта бодрость легких холодов!
И воробьи,
Как знаки препинанья,
На телеграфных строчках проводов.
Остепенились вздорные перроны,
И, важничая в собственном кругу,
Дородные трефовые вороны
Расселись козырями на снегу.
И я во все здесь вглядываюсь зорче,
Все изучу и высмотрю опять,
Чтоб с милою землей,
Как с веткой почка,
Мне никогда родства не потерять.
И радоваться, как, бывало, в детстве,
Что на пруду,
за прутьями оград,

Лед зыбок,
 будто темя у младенца,
Но этим он и славен для ребят.
Они сегодня зимушку встречают,
И трут снежками руки докрасна,
И, празднуя ее,
Не замечают,
Что под носом у них
Давно весна.

* * *

Крутые отрицатели покоя,
Грудясь,
Борясь,
Мы говорим опять:
Уж коли счастье,
 то давай такое,
Чтобы двумя руками
Не поднять.
Мы меньшим радостям почти не рады,
И нас в таком не убедить вовек:
Мол, где же их возьмешь,
 таких громадных,
Для стольких миллионов человек.
И все-таки
Под шорох мокрых листьев
И светлый шелест родниковых струй
Спасибо тебе, милая,
За чистый,
Едиственный
Далекий поцелуй.

* * *

Твои глаза — как тихий переулок,
Где домики наивны и чисты,
А над крылечком
 вдалеке от гула
Планируют кленовые листья.
А стекла в рамах вымыты до блеска
И, как озера, смотрят на закат,
И утром
 из-под каждой занавески
Гостеприимно фикусы глядят.
И каждую калиткою сугулой,
И каждой веткой ясеня над ней
Зовет меня
 твой тихий переулок.
Но я невольник
Шумных площадей...

* * *

Четыре недели на юге
Грушу
 среди веселых гостей.
А север
 от дальней подруги
Не шлет как нарочно вестей.
Но, может быть, все-таки это
Жара не дала им дойти,
И синие льдинки конвертов
Растаяли где-то в пути?

* * *

Мне так встречать тебя не хочется,
Что, стиснув ядра кулаков,
Себя

в остроге одиночества
Упрятал я за семь замков.
И чтобы не взбрело мне в голову
Искать твой отчужденный взор,
От выходов

ключи тяжелые
Я нынче выкинул во двор.
Но стоит

сквозь окно

на улице.

Вдали узнать мне твой наряд —
Все зареканья позабудутся,
И двери

с петель

полетят.

* * *

Я не видал тебя еще ни разу,
И все же рад, хотя бы потому,
Что ты доступна,
 если уж не глазу,
То хоть воображенью моему.
Я часто вижу —
 это мне не снится —
Тебя с нарядной сумочкой в руке,
Твои густые чуткие ресницы
И ссадинку на левом локотке.
Вот ты идешь свободно и небрежно
По золотой дорожке сентября,
И копится во мне тепло и нежность,
Чтобы однажды захлестнуть тебя.
...Но я один.
И пусто в доме чистом.
Над городом прогрохала гроза.
Ты ходишь где-то очень, очень близко,
Лишь мне не попадаясь на глаза.
Насторожен,
Как рыночных картинок,
Я берегу пустых бесстрастных лиц
И ухожу тихонько с вечеринок
От слишком разговорчивых девиц.

Я жду тебя,
мальчишески возвышен,
И так любовь чиста в моей груди,
Что ты меня
не можешь не услышать,
Что ты ко мне
не можешь не прийти.

* * *

Ребята из средней России,
Впервые встающие в строй,
Надолго родные осины
Оставили вы за спиной.
Гражданская юность отстала,
Пропала в дорожной пыли.
В железное русло уставов
Вы входите, как корабли.
И надобно сделать немало,
Чтоб ветрами,
 бьющими вкось,
Вас в бурю на борт не бросало
И мачты рубить не пришлось...

★ ★ ★

Не чья-то властная немилость —
От ровной жизни и тепла
Жестокая необходимость
Ребят в казармы привела.
Надев казенные рубахи,
Как это требует закон,
Они исправно чистят бляхи
И бьют подковами бетон.
Не позволяя сердцу киснуть,
С упрямством истых северян
Неунывающие письма
Ребята пишут матерям.
Прилежно бодрствуют на вахте:
Мол, что нам стоит — молодым.
Но вдруг
 ржаной ломоть запахнет
Росой и полюшком родным.
Где, опоясавшись кустами,
Избенка смотрит на овсы
И звоном рюмочек хрустальных
Звенят старинные часы.
И мать, уняв свою кручину,
Невыплаканную в ночи,
Все щеплет звонкую лучину

У нерастопленной печи.
Воспоминания солдата
Чинят нередко самосуд:
Они под сердце бьют как надо,
И нервы рвут,
И спины гнут.
А парни лишь считают годы
И слышат:
 боли не тая,
По ним режут гудки заводов
И сохнут травы
И поля.

КУРС МОЛОДОГО БОЙЦА

Мы друг на друга поглядели —
И молча вверились судьбе,
Хоть длиннополые шинели
Пришлись немногим по губе.
А бляхи...

Этакие слитки,
Что, коль старанье приложить,
То можно с первой же попытки
Любого хряка порешить.
Мы шли, равняясь по передним;
На сотне стриженных голов
Пилотки кисли,

точно гребни

У недобитых петухов.
И каждый почитал за благо,
Что он, не преуспев ни в чем,
Почетным именем —

салага

Великодушно наречен.
И ротный к службе наше рвенье
Не раз доверьем отмечал
И слал нас драить заведенье,
Что чаще драят
По ночам.

Неразумеющим на смотре
Тянуть носок, чтоб грудь вперед,
Он присягал при целой роте,
Что через пятки ум вобьет.
Вбивал.
До самой до макушки.
И гонор наш лечил, и грусть.
И хоть устав совсем не Пушкин,
А тоже знали наизусть.
...Теперь легко, припав к матрацу
И слово пробуя на вкус,
Над курсом этим потешаться,
Когда он кончен,
Этот курс.

* * *

Мы моем пол и помним о порядке.
Мы помним здесь о нем как никогда.
Дежурный нам вручил тазы и тряпки —
Новейшие орудия труда.

Ни разъяснений и ни оговорок.
У моющих полы
 в такие дни
Открыты ворота у гимнастеров
И скатаны
 пружинами
 ремни.

Давно ручей струится меж лопаток
И, как в пустыне, высохло во рту.
А вычесь бы:
 какой у нас десяток
Квадратных километров на счету.

До дыр истертый,
 пол уже лоснится.

Но вот сержант — стараньем знаменит —
Черкает каблуком по половице
И предлагает воду
Заменить.

Мы набираем светлой и лучистой
И снова с тряпкой лезем под кровать.
...Я, может, здесь
впервые научился
Перед порогом
ноги вытирать.

СОЛДАТСКАЯ ШУТКА

Нам с тобой совсем немножко
Дослужить до дому:
Только тыщу раз в сапожки
Впрыгнуть по подъему.
По земле своей хорошей
У себя в Союзе
С пол-экватора — не больше —
Проползти на пузе.
До гулянок и тальянок
Дослужить нам малость:
Лишь пятнадцать пар портянок
Истолочь осталось.
Тридцать три хрустящих трешки
Отovarить надо
Да вагона три картошки
Оскоблить в нарядах.
Ну, и среди иных и прочих
Редких удовольствий
Стрескать жареной тресочки
Метров девяносто.
А в конце всего за чаем,
Разгоняя скуку,
Обсудить: а не начать ли
По второму кругу?

* * *

Нынче снова дождь хлестал по окнам,
И опять, тоскою обуян,
Всю-то ночь ворочался под боком,
Маясь, Ледовитый океан.
Видно, и ему, своим туманом
Простужающему города,
Сквозняки осенних расставаний
Тоже не проходят без следа.
Потому мне так понятны нынче,
Как ты их умело ни таи,
Милые, застенчиво-девичьи,
Страхи немудреные твои.
Да и я в прощальное свиданье
Отшутился на твою слезу:
«Самых синих северных сияний
Я тебе на платье привезу».
Добрая, прости мне эти муки,
Не суди за нынешний уход.
Снегом затянувшейся разлуки
Трижды георгины занесет.
И пойми, что к сопкам нелюдимым
Не от глаз твоих я убежал:
Просто до тебя, моей любимой,
Я себя России обещал.

* * *

Казарма пахнет не духами,
Не ландышем после грозы.
Казарма пахнет сапогами
Из густо смазанной кирзы.
Казарма пахнет жестью банок
С ружейным маслом пополам
И прелью саржевых портянок,
Царящей ночью по углам.
Не первым потом гимнастерки,
Подзолом тропки полевой
И зноем стрельбища,
И горьким,
Горелым порохом его.
Эпохой призванные дети,
Мы дышим этим — без нитя —
Державным запахом столетья
И кислородом бытия.
Им,
 как огнем пещерный предок,
Мы дорожим не оттого,
Что нам
Черемуховых веток
Любее
 аромат его.

Но только с ним и нерушимы
Волнующие нам сердца
И свежесть матовых кувшинок,
И острый запах чебреца.

* * *

Как там играют в бардов лоботрясы?
Все так же ль тянут нервы у строки
Когда, запрягши тощего Пегаса,
Под вечер объезжают кабаки.
Им не впервой,
 принюхиваясь к веку,
Не мудрствуя особо о житье,
Толкать воображенье, как телегу,
По выбитой унылой колее.
И невдомек,
 что на краю Союза,
Записана с весны
 в стрелковый взвод,
Моя неизбалованная Муза
По правилам казарменным живет.
Что каждый день,
 как будто медью налит,
Сминая поэтические сны,
Ее с железной койки поднимает
Непревзойденный окрик старшины.
Канавы прорывая у дороги,
Она мозоли копит на руках
И стройные мифические ноги
До крови обтирает в сапогах.

Но редко,
 к неустроенности чуток,
Соседям не сбивая аппетит,
В обед
 ее божественный желудок
На ячневую кашу поворчит.
В избранницы высокие не метя,
Она взрослеет, Времени служа,
И напряженным воздухом столетья
Тревожно и прерывисто дыша.
И разделяя все ее простуды
И добытое с муками тепло,
Во мне гудят, как линии, сосуды
И кровь по жилам катит тяжело.
И тем, кто в рифмах ищет развлеченья,
Я говорю, их сдерживая прыть:
Эй, уберите
Ваши сочиненья.
Нам надобно
О жизни говорить.

* * *

Месяц в небе, как странник горбатый,
Ночь просторна, тиха и ясна.
Уморясь, засыпают ребята
В предвкушенье хорошего сна.
Им приснится лицо молодое,
И коснется щеки невзначай
Материнской шершавой ладонью
Одеяла суконного край.
Спят ребята светло и устало.
Завтра утречком
 в царстве своем,
Старшина,
 с разрешенья устава
Задержи на минутку подъем.
Пусть они постоят на пригорке,
Пусть растают в цветочной дали
Их
 в два яруса
 жесткие койки,
Как двухпалубные корабли.
Дай парням подышать свежей смолкой.
Ты ведь знаешь, как старый солдат,
Что армейские сны еще долго
Будут дома тревожить ребят...

ПОСЛЕДНИЕ САПОГИ

Вчера старшина, не коробясь,
Усвоив, что выношен срок,
Мне выдал под личную роспись
Последнюю пару сапог.
На них поглядев мимоходом,
Грустнели опять и опять
Ребята, которым три года
До праздника этого ждать.
И я с холодком незнакомым
Подумал, робея слегка,
Что вроде дорога до дому
Теперь уж не так далека.
Последняя пара кирзовых,
Скрипучих товарищей новых,
Отделанных как на заказ.
На крепких железных подковах,
Поставленных в угол
и снова
Примерянных за ночь не раз.
О, сколько подметок и нервов
Пришлось измочалить в пути,
Чтоб к этим,
обычных размеров,
Гвардейским сапожкам прийти.

О, сколько еще будет надо
По грешной земле колесить,
Скользить, подниматься и падать,
Чтоб их до конца донести.
Но, преодолевая усталость,
Любимая, помни итог:
До нашего счастья осталась
Последняя пара сапог.

* * *

Мир стал объясним и обычен:
И воды колючи в ручьях,
И красные перышки лычек
Горят на сержантских плечах.
И сам я,

за долгое лето

Протопавший столько дорог,
Давно позабыв про штилеты,
Не чувствую веса сапог.
Повянув от пыли и зноя,
На четверть стесав каблуки,
В суровой гармонии строя
Звучат и мои сапоги.
Угрюмым терпеньем заряжен,
Давно не ропщу на удел.
Уже не соврав и не скажешь,
Что мало я каши поел...

ЕСТЬ ЖЕНЩИНА

(Лирическая поэма)

Есть женщина одна на свете.
Дала с ней встретиться судьба.
И это было —

словно ветер

Откинул волосы со лба.

...Я жил у белых колоколен

Неслышен, горд и одинок.

Я тяготился грустной волей,

Но изменить себе не мог.

Мечтал о пушкинской любви я,

Мечтал, и сам себе с тоской

Я признавался не впервые,

Что в наше время нет такой.

«Теперь ночами под окошко

Мужчины не выходят в дождь.

И говорят о стройных ножках,

Как о цене на макинтош.

И женщин это мучит мало,

У женщин свой на вещи взгляд:

Они на вздохи

смотрят вяло

И очень живо —

на оклад».

О, сколько выводов поспешных
Мне диктовал горячий пыл!
Я не во всем был прав, конечно,
И все же прав во многом был.
Я не хотел сплошных объятий
И возвращения назад,
Где целовали кончик платья
И при измене пили яд.
Но я мечтал о самой чистой
Любви возвышенных сердец,
Способной смело встать под выстрел
И за ночь выстроить дворец.
Кого винить,

что мне владыка

Определил иной удел.

Я не нашел

любви великой,

А маленькой

Не захотел.

Во мне угрюмость тихо зрела,

И скоро,

чувства не тая,

Сквозь дымку легкого презренья

Взирал на многих женщин я.

Но — подмывая, словно берег, —

Меня одолевала мысль,

Что я в запросах

неумерен

И нереально вижу жизнь.

Все грежу идеалом женским...

Хотя, коль говорить всерьез,

Мне самому до совершенства,

Как старой каланче —

До звезд.

И вот уверенность среди шума
Вдруг с треском лопалась по шву.
И — страх,

что все-то я придумал

И только выдумкой живу.

А надо тише,

Надо проще:

В застольях больше ста не пить,

Обзавестись богатой тещей,

Сачок и удочки купить...

И я уже стоял на грани,

Где лишь решимости вдохнуть —

И навсегда,

Как будто ставни,

Свои сомненья запахнуть.

Но, видно, не пустая фраза,

Что непременно повезет,

К кому за жизнь

хотя бы разик

Звезда садилась

На князек.

Я не успел промолвить слова,

Не знаю,

как,

когда —

светла —

С крылечка терема какого,

Смеясь, та женщина сошла.

Я только помню:

Гул перрона

Как будто рухнул под откос.

А на ветру плыла корона

Ее каштановых волос.

Темнело жарким югом тело
Средь белизны вокзальных стен,
И шумно платье шелестело
У молодых ее колен.
Но каблучки ее споткнулись.
Я понимал, что мне везло,
Что ей клубок безлюдных улиц
Одной распутать тяжело.
И надо вежливо и просто,
Сказав, что мне не повредит,
Ей объяснить градоустройство
И — сделать милость — проводить.
И духу в легкие набравши,
Взметнув решительно зачес,
Я к ней приблизился
И даже...
И даже что-то произнес.
А после тропкой осторожно
Мы шли, смущенные вконец;
Топорщил уши подорожник,
Не слыша замерших сердец.
Цветы гуляли, как на пире,
Идя обочиной к селу,
И, может, самый чистый в мире
Не состоялся поцелуй.
Мне от себя не скрыть печали,
Что день прошел как забытье,
А под березами
Случайно
Осталась сумочка ее.
В ней адрес мой, на дне почивший,
Нашел я на исходе дня,
Места безмолвно навестивши,
Теперь святые для меня.

И мне не раз
 горячим полднем
 Та сумочка
 в краю глухом
 О несвершившемся напомнит
 Прохладным выдохом духов.
 Еще о том,
 что вместе с летом
 Пришел мой бог издалека —
 И словно руку с пистолетом
 Отвел спокойно от виска.
 И снова —
 сердцу надо много ль —
 Хожу,
 Смеюсь,
 Гляжу кругом
 Весь —
 словно бы зеленый тополь,
 Омытый утренним дождем.
 Уже смешны бывшие муки,
 И жизнь —
 Как море кораблю.
 Не надо мне
 синицу в руки,
 Я с детства
 журавлей люблю.
 И я иду своей тропюю,
 Как пахарь
 с верой наперед,
 Что им задуманное поле
 Пшеницей доброю
 Взойдет.
 В его крови бы зреть веселью.
 Да жаль соседа от души,

Что забросать такую землю

Овсом

весною поспешил.

Так я живу.

И уж не прежним

Вхожу в раздвинувшийся дом,

Следя,

как ласточки надежды

Вьют гнезда над моим окном.

И ничего-то мне не страшно,

Как будто мрака в мире нет.

И вьюга горестей вчерашних

Уже не застит белый свет.

Я помню, в сырь

и черный ветер,

Как восходящую зарю:

Есть

женщина одна

на свете...

И я судьбу благодарю.

СОДЕРЖАНИЕ

I

«На цыпочки встань над пластами...»	7
Младшему брату	9
«Идут друженые машины...»	11
«Мне шумные праздники в тягость...»	12
Я домой — погостить	13
В подшефном колхозе	15
«Я бульжную осень оставил...»	17
«Погодушка добрая смята...»	19
Россия	21
Мальчишки из далеких деревень	23
«Рос бледнолицым брат мой и тщедушным...»	25
«И снова люди покидали...»	27
Русь	28
«Я почевал под старым виноградом...»	30
«Откуда эта брошенность и грусть...»	32
Однажды	33
«Пора, пора скупее дни расходовать...»	35
«Какая-то прозрачная печаль...»	37
«Надежды падают, как звезды...»	38
«Люблю неспешною походочкой...»	39
«От легкости кружится голова...»	40
Цыганки	41
Женщины	43
«О вера наших матерей...»	45

«Порой попадешь ненароком...»	46
«Пусть кривотолки обступают тесно...»	47
«Я утверждать могу без риска...»	48
Тайна	49
Осенний этюд	51
«Доверчивым сердцем славянским...»	52
Начало зимы	53
«Крутые отрицатели покоя...»	55
«Твои глаза — как тихий переулочек...»	56
«Четыре недели на юге...»	57
«Мне так встречать тебя не хочется...»	58
«Я не видал тебя еще ни разу...»	59

II

«Ребята из средней России...»	63
«Не чья-то властная немилость...»	64
Курс молодого бойца	66
«Мы моем пол и помним о порядке...»	68
Солдатская шутка	70
«Нынче снова дождь хлестал по окнам...»	71
«Казарма пахнет не духами...»	72
«Как там играют в бардов лоботрясы?...»	74
«Месяц в небе, как странник горбатый...»	76
Последние сапоги	77
«Мир стал объясним и обычен...»	79
Есть женщина (лирическая поэма)	80